Гу Яньчжоу сейчас выглядел весьма примечательно: воротник его рубашки был полностью распахнут и перекошен от резкого рывка Шао Си.

Они замерли так близко, что почти соприкасались кончиками носов. Чужое дыхание, тепло, едва уловимый аромат — всё это смешалось, стирая личные границы. Шао Си невольно засмотрелся на чужие губы — очерченные резко, выражающие привычное холодное равнодушие, — и слова реплики застряли у него в горле.

Режиссёр Оу поначалу решил, что актёры импровизируют. Бывает же: исполнители настолько вживаются в образ, что прямо на ходу перекраивают сцену под себя. Когда его помощник собрался было остановить съёмку и крикнуть «стоп», Оу предостерегающе поднял руку.

Он с важным видом поднялся со своего кресла и заговорщически прошептал, указывая на монитор:

— Приглядись-ка получше. Какое тонкое, звенящее молчание… В этом есть глубокий подтекст.

Помощник режиссёра лишь недоумённо почесал в затылке, но спорить с мэтром не стал. Постояв рядом ещё немного, он тихо спросил:

— И в чём же замысел?

— Сам пока не пойму, — честно признался Оу. — Но спешить с выводами не будем. Давай понаблюдаем.

Однако продолжения не последовало. Шао Си виновато посмотрел на съёмочную группу:

— Простите, режиссёр. Я забыл слова.

Почувствовав, как рушится его авторитет в глазах ассистента, Оу со злостью швырнул на стол свёрнутый в трубочку сценарий.

— Твою ж налево! Я тут уже чуть из штанов не выпрыгнул от предвкушения, а ты…!

— Режиссёр Оу, потише на поворотах, без пошлых шуточек, — вмешался Гу Яньчжоу. Он поднялся, выпустив Шао Си из объятий, подошёл к столу и лениво подцепил пальцами бутылку с водой. Откручивая крышку, он небрежно бросил: — Он же ещё совсем ребёнок.

Оу лишился дара речи.

Шао Си с абсолютно невозмутимым видом поспешил сменить тему, подыгрывая партнёру:

— Да, я ещё маленький. Мне вредно слушать взрослые анекдоты.

«Ах вы ж… сладкая парочка! Издеваетесь?!»

Признав поражение, Оу сердито сверкнул глазами:

— Ладно, чёрт с вами, не переспоришь. Объявляю перерыв на пять минут, потом продолжим.

Не успели его слова затихнуть, как он круто развернулся к массовке и зычно крикнул:

— Так, а в сцене на заднем плане почему каша? Тот, кто лежал напротив третьей камеры! Ты когда умирал, почему делал это с таким тоскливым упоением? Звездой экрана захотел стать, сцену себе заграбастать?!

После ухода режиссёра Шао Си остался сидеть на полу, всерьёз гадая, не переутомился ли он в последнее время. Иначе с чего бы ему вести себя так, словно в него бес вселился?

На самом деле, когда он загляделся на Гу Яньчжоу, его мысли унеслись в совершенно неожиданное русло.

«А ведь этот парень не такой уж и уродливый»

Услышь это признание Ли Гуанцзун, он наверняка расшиб бы лоб в благодарственной молитве, решив, что неизлечимая слепота его подопечного наконец-то отступила.

Пока Шао Си предавался самоанализу, к его щеке вдруг прикоснулось что-то ледяное.

Вздрогнув, он поднял голову. Над ним стоял Гу Яньчжоу. Слегка наклонившись, он прижимал к его лицу запотевшую бутылку с водой.

— Неужели я настолько тебя заворожил, что ты даже роль забыл?

Шао Си забрал бутылку.

— Спасибо. Но твоё самомнение явно зашкаливает.

— Неужели?

Гу Яньчжоу не стал спорить на словах. Вместо этого он перешёл к действиям, в мгновение ока воссоздав недавнюю сцену: упёрся руками в пол по обе стороны от головы Шао Си и плавно

навис над ним, прижимая к полу.

От неожиданности Шао Си выпустил бутылку, и она с тихим шорохом покатилась в сторону.

Не мигая, он посмотрел снизу вверх в глаза актёра и без запинки произнёс ту самую забытую реплику:

— Терпеть тебя не могу. Вечно ты смотришь на всех свысока… Обычный паразит, разжиревший на дедовских орденах. Твоё присутствие вызывает у меня лишь тошноту.

Гу Яньчжоу вглядывался в его лицо ещё несколько секунд, после чего отстранился и поднялся на ноги.

— Забывать текст на площадке — грубейшая ошибка. Это показывает, что ты плохо подготовился, да и впечатление производит скверное. Тебе повезло, что режиссёр Оу отходчив.

Шао Си опустил голову, пряча взгляд.

— Знаю. Мне действительно жаль.

— «Жаль» ему! Думаешь, одним «жаль» можно отделаться? — зычный голос режиссёра Оу донёсся издалека ещё до того, как сам он появился в поле зрения. Подойдя ближе, он яростно затыкал пальцем в воздух перед носом Шао Си: — Сколько раз повторять?! Все живут в гостинице рядом с площадкой, один ты упорно таскаешься домой. Конечно, ты выматываешься! Смены заканчиваются за полночь, а тебе ещё два часа за рулём трястись… Ну и ради чего эти мучения?

Вообще-то съёмочная группа обеспечивала всех жильём в шаговой доступности от локаций. По уму, Шао Си должен был заселиться со всеми в местный «Хилтон». Однако в последнее время съёмки проходили в черте города, относительно недалеко от его собственного жилья. Шао Си терпеть не мог чужие кровати и гостиничный быт, поэтому при малейшей возможности сбегал ночевать домой. О том, что будет дальше, когда придётся сменить локацию на другой регион, он предпочитал пока не думать.

Эту привилегию для него с боем выбил Ли Гуанцзун. Чтобы разжалобить режиссёра, менеджер нарисовал душераздирающий образ: сирота, живущий в пустом огромном доме, который, несмотря на одиночество, испытывает болезненную, почти детскую привязанность к родному очагу.

Режиссёр Оу и раньше без особого восторга относился к этим ночным разъездам, а уж после сорванного дубля окончательно утвердился в своём мнении.

— Завтра же собирай вещи и переезжай сюда. Да какое там завтра — пусть твой помощник

съездит за ними прямо сейчас! — Оу по-отцовски похлопал Шао Си по плечу. — Как привезёт багаж, зайдёшь ко мне за ключами. Пора взрослеть, парень.

Шао Си промолчал, понимая, что спорить бесполезно.

— Всё, вопрос решён, — отрезал режиссёр, не терпящим возражений тоном.

Наблюдавший за сценой Гу Яньчжоу дождался, пока Оу скроется из виду, и не без иронии взъерошил волосы на макушке Шао Си:

— Так сильно не любишь отели?

— Терпеть не могу, — буркнул тот.

Ему всегда требовалось слишком много времени, чтобы привыкнуть к новому месту. В этом плане его адаптационные способности стремились к нулю: в чужих стенах его не покидало гнетущее чувство дискомфорта, а первые пару ночей на новом месте он обычно вообще не мог сомкнуть глаз.

***

Пользуясь небольшим перерывом во второй половине дня, Ли Гуанцзун вихрем смотался в квартиру Шао Си, чтобы собрать одежду и кое-какие личные вещи по списку.

Перед отъездом Шао Си всучил ему измятый клочок бумаги с длинным перечнем. Почерк у актёра был чудовищный: слова сливались в неразборчивую вязь, сокращения граничили с абсурдом. Едва влетев в квартиру и торопливо набрав код на замке, Гуанцзун даже не разулся — сразу бросился в спальню. Он разгладил листок и принялся вчитываться:

— Так, что тут у нас… Зубная паста, щётка, полотенце, гель для душа, шампунь… Господи, да в «Хилтоне» же всё это есть! А это что за каракули?

Придвинув бумажку к самым глазам, менеджер попытался расшифровать последнее слово. Сомнений не оставалось.

— «Сын»?.. Какой ещё, к чёрту, сын? — недовольно пробормотал Гуанцзун.

Он принялся наспех сгребать вещи из шкафа, параллельно сканируя взглядом комнату в поисках какого-нибудь тайного жильца или хотя бы домашнего питомца. Спальня была пуста.

Шао Си страдал лёгкой формой перфекционизма: все его вещи лежали строго на своих местах,

а одежда в шкафу была аккуратно развешана комплектами, так что сборы не заняли много времени. Единственной неразрешимой загадкой оставался загадочный «сын». Звонить Шао Си на площадку менеджер побоялся — вдруг отвлечёт в разгар съёмок, — поэтому просто отправил сообщение. Ответа, разумеется, не последовало.

Обойдя спальню по третьему кругу, Ли Гуанцзун, ведомый смутным предчувствием, подошёл к кровати и откинул край одеяла. На простыне сиротливо лежала плюшевая игрушка весьма неопределённой видовой принадлежности.

«Он что, спит с мягкими игрушками?»

«Это вообще кто? Свинья или недоделанная собака?»

За пять лет совместной работы Гуанцзун и подумать не мог, что у его сурового подопечного есть такая милая и странная привычка.

— Это альпака, — пояснил Шао Си вечером, когда съёмки наконец завершились. Получив у режиссёра заветную электронную карту, он теперь неторопливо раскладывал вещи в номере. — Уродливая, да? Можешь смеяться, я и сам знаю, что она страшненькая.

Он небрежно забросил игрушку на подушку и продолжил разбирать чемодан:

— Когда я был совсем маленьким, на один из дней рождения я устроил истерику — требовал отвезти меня в зоопарк. Но здоровье тогда было никудышным, из дома выходить запрещали. Вот дворецкий Ван и купил мне это чудо.

Шао Си практически никогда не распространялся о своей семье. Ли Гуанцзун и раньше находил это странным: актёр никогда не звонил родителям, не упоминал родственников… И вот теперь он так обыденно упомянул дворецкого.

— Папа Шао, у вас в доме водились дворецкие? — Ли Гуанцзун мысленно смаковал это слово, от которого так и веяло неприличным богатством.

Шао Си на мгновение замер.

— Да. Но он уже давно умер.

Развивать эту тему было бы верхом бестактности. Подавив вспыхнувшее любопытство, менеджер лишь тихо произнёс:

— Прими мои соболезнования.

***

Режиссёр Оу, обожавший всяческие сборища, вскоре притащился к нему в номер в компании коллег. Он разразился долгой речью о том, что в отеле нужно чувствовать себя как дома, и расписал местные достоинства так слащаво, словно подрабатывал здесь портье:

—… Я тебе говорю, местечко — блеск! А прямо через дорогу шикарная шашлычная. Идём, пропустим по паре стаканчиков под горячие шпажки!

— Режиссёр Оу, может, я лучше откажусь? — Шао Си попытался деликатно высвободиться из дружеских тисков, но Оу держал крепко. Актёру оставалось лишь упираться и плестись следом со скоростью черепахи. — Завтра ведь утренняя смена.

— Молодёжь, какая жизнь без ночных посиделок! Живее!

Шао Си покосился на сияющего энергией режиссёра и удручённо вздохнул, понимая, что сопротивление бесполезно.

К счастью, уже у самого выхода из гостиницы они столкнулись с Гу Яньчжоу и Чэнь Яном. Шао Си резко затормозил и умоляюще посмотрел на коллегу.

Яньчжоу мгновенно сообразил, в чём дело. Сделав шаг вперёд, он бесцеремонно вытянул Шао Си из объятий Оу и буднично произнёс:

— Вы куда его тащите? Мы же договорились прямо сейчас отрепетировать сцену у меня в номере.

Благодаря этому спектаклю Шао Си наконец вырвался из когтей неутомимого режиссёра.

— Режиссёр Оу всегда такой неугомонный? — поинтересовался Шао Си, когда они вместе с Чэнь Яном зашли в лифт, чтобы подняться обратно на жилой этаж. — Откуда в нём столько энергии?

Гу Яньчжоу нажал кнопку этажа и спокойно ответил:

— Ему просто одиноко. Возраст солидный, семьи нет. Пока идёт работа — он держится, но стоит появиться свободной минуте, как его накрывает тоска.

Прислонившись спиной к зеркальной стене лифта, Шао Си задумчиво протянул:

— Вот оно как… Понятно.

***

Ночь окончательно вступила в свои права. На улице заметно похолодало, когда изрядно захмелевшая компания во главе с Оу потянулась обратно к дверям гостиницы.

Заметив, что режиссёр отстал, увидев, как тот навалился на перила и судорожно сглотнул, помощник поспешил к нему и сочувственно похлопал по спине:

— Вам нехорошо? Давайте я помогу дойти до номера.

Оу вяло махнул рукой. Голос его, вопреки выпитому, прозвучал на удивление трезво и глухо:

— Идите без меня. Мне нужно побыть одному.

Когда шаги его спутников затихли вдали, режиссёр тяжело согнулся, спрятав лицо в ладонях. Спустя минуту из его горла вырвался тихий, прерывистый напев — старая, тоскливая оперная ария, не попадающая в лад:

—… Обиде этой горькой не найти слова, но справедливость Неба наконец жива. Врагу — расплата, а за зло — ответ, и с лёгким сердцем я иду на свет…

… И с лёгким сердцем я иду на свет.

Е Сюань сидела на кровати, положив на колени старый, потрёпанный блокнот. Кончики её пальцев медленно скользили по пожелтевшей странице, оглаживая строчки арии, и замерли на последнем слове.

Блокнот повидал виды: бумага истончилась от времени, помялась и казалась настолько хрупкой, что могла рассыпаться от любого неосторожного прикосновения. Буквы были выведены изящным, аккуратным почерком с тонкими, вытянутыми штрихами. Глядя на эти увядающие чернила, можно было без труда представить человека, который много лет назад бережно выводил их на бумаге.

Она осторожно перевернула страницу. На самом последнем листе почерк резко менялся — становился размашистым, небрежным, словно писавший куда-то спешил.

«14 апреля 1998 года.

Пожалуй, только на сцене, послушно следуя сценарию в свете софитов, я могу забыть о том, кто я есть.

Но я всё ещё не понимаю… почему я родилась такой?»

Небо за окном затянуло душной, тяжёлой хмарью.

Режиссёр Оу вынырнул из полузабытья и вздрогнул от внезапного прикосновения прохлады — на тыльную сторону ладони упало несколько мелких капель.

Он медленно поднял голову к темнеющим небесам.

Пошёл дождь.

http://bllate.org/book/18321/1756425